

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (<i>М. Д. Воейкова, В. В. Казаковская</i>)	5
Введение. Элементы интенциональности в сфере грамматической семантики (<i>А. В. Бондарко</i>)	13
I. ГЛАГОЛЬНЫЕ КЛАССЫ И КАТЕГОРИИ	23
Глава I. Автореферентность и классы предикативных слов (<i>А. В. Циммерлинг</i>)	23
Глава II. Почему говорящий прибегает к «стихийным конструкциям»? (<i>А. Мустайоки</i>)	59
Глава III. Временные отношения в конструкциях с возвратными глаголами мышления (<i>М. А. Овсянникова</i>)	87
Глава IV. Выбор формы вида в сослагательном наклонении и интенции говорящего (<i>М. Д. Воейкова</i>)	119
Глава V. Эвенкийские глагольные формы, выражающие значения потенциальности (в сопоставлении с другими тунгусо-маньчжурскими языками) (<i>И. В. Недялков</i>)	149
Глава VI. Плюсквамперфекты с аористом и имперфектом вспомогательного глагола в Галицкой, Волынской и Суздальской летописях (<i>А. Ю. Урманчиева</i>)	167
II. МОДУСНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ СЕМАНТИКИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ	191
Глава VII. Коммуникативная структура как отражение точки зрения говорящего (<i>Т. Е. Янко</i>)	191
Глава VIII. Переспрос как периферия коммуникативно- грамматической категории вопросительности: семантика и средства выражения в русском языке (<i>И. М. Кобозева</i>)	223

Глава IX. Грамматика точки зрения: вводно-модальные слова в речи взрослых и детей (<i>В. В. Казаковская, Н. К. Онитенко</i>)	246
Глава X. Говорящий и семантико-прагматический интерфейс высказывания (на материале бессоюзного сложного предложения) (<i>М. Я. Дымарский</i>).	289
III. КВАЛИТАТИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ СЕМАНТИКИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ	321
Глава XI. Компаратив слов категории состояния: функционирование морфологической категории с переменной актуализационной значимостью (<i>И. П. Матханова</i>)	321
Глава XII. Краткие прилагательные цвета: опыт корпусного анализа (<i>Е. Р. Добрушина</i>)	356
Глава XIII. Видимое и сказанное: лексический выбор и сочетаемость (<i>Е. Ю. Протасова</i>).	396
Список использованной литературы	421
Предметный указатель	452
Именной указатель	469
Summaries	475
Contents	483

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга продолжает серию коллективных монографий «Проблемы функциональной грамматики», задуманную Александром Владимировичем Бондарко и долгие годы осуществлявшуюся под его руководством. Тема настоящего тома «Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий» была предложена им и разрабатывалась по его плану и замыслу. Он успел написать введение и обсудить план нескольких глав с авторами — сотрудниками Отдела теории грамматики Института лингвистических исследований РАН, однако большая часть книги была написана уже после его кончины в 2016 году. Следуя традиции, мы пригласили к участию заинтересованных коллег из других отечественных и зарубежных научных коллективов. При этом учитывалось, какие аспекты обсуждаемой проблематики пока не получили достаточного освещения в трудах Петербургской школы функциональной грамматики.

Как нам представляется, основные положения теории функциональной грамматики позволяют интегрировать в круг наших работ исследования, которые не обязательно используют терминологический аппарат школы, но следуют основным принципам описания, принятым в ней. К ним мы относим, в частности, опору на живой языковой материал, т. е. анализ литературных или записанных в полевых условиях языковых (а не искусственно сконструированных) примеров. В последние десятилетия функциональный анализ тесно связан с опорой на корпусные данные — главным образом на материалы НКРЯ. Интерес к корпусным разработкам нашел отражение и в главах коллективной монографии: хотя количественная лингвистика не является нашим приоритетным направлением, мы старались там, где это было возможно и естественно, привести количественные обоснования выдвинутых гипотез.

Существенным элементом нашего теоретического направления является вектор описания «от семантики к средствам ее выражения». Иными словами, основным предметом исследования являются

семантические разновидности (варианты и инварианты) языковых конструкций и семантика грамматических категорий. Это не исключает и элементов традиционного описания «от средств выражения к семантике», что в целом предполагает реализацию «челночного» принципа лингвистического анализа: от определенной формы — к набору ее функций и от отдельной функции — ко всему разнообразию форм ее выражения.

Внимание к тому, как в семантике грамматических категорий и в грамматических характеристиках высказывания представлена личность говорящего, в целом характерно для функционального направления. А. В. Бондарко связывал эту область грамматических исследований с работами Р. О. Якобсона, в первую очередь — с его определением категорий-шифтеров [1972], опирающимся на термин, введенный О. Есперсеном [Бондарко 2017: 185–186]. Уже в ранних работах, посвященных разграничению смысла и значения в грамматике, А. В. Бондарко подробно обсуждает различие между денотативно-отражательным аспектом содержания грамматических категорий и их языковым содержанием, обращая внимание на универсальный характер первого понятия и специфичность второго [1978: 72–94; см. также 2002]. Это же разграничение последовательно проводилось им при делении морфологических категорий на отражательные и интерпретационные [1976; 2005; 2011]. Отношение к говорящему играет существенную роль в понятии интенциональности / неинтенциональности, которое А. В. Бондарко определяет как актуальное выражение некоторого смысла в речи [2017: 24–25].

Интенциональность — связь с намерениями говорящего — не рассматривается как постоянный компонент семантики грамматической категории. Она проявляется в речи и обусловлена необходимостью актуального подчеркивания говорящим того или иного семантического аспекта высказывания: «Один из вариантов проявления интенциональности в сфере грамматических значений — смысловая актуализация темпоральной семантики в высказываниях, включающих соотношения временных форм; например: *Я его уважал, уважаю и буду уважать*. Интенциональность языковых (в частности, грамматических) значений проявляется не только в “живом акте речи”, когда налицо и намерения говорящего, и процесс их реализации, но и в тех условиях, когда перед нами “готовый текст” и намерения автора фигурируют как то, что было задумано при создании данного текста»

[Бондарко 2017: 24]. В статье, вышедшей за несколько лет до начала работы над томом, А. В. Бондарко указывает на то, что отношение к говорящему предстает в языковой структуре в двух разновидностях. С одной стороны, оно может непосредственно отражаться в семантике грамматических категорий (как в случае с шифтерами и другими дейктическими элементами), с другой — имплицитно присутствовать в конкретной речевой ситуации [2010: 65]. Эти аспекты семантики языковых единиц — речевые реализации отношения говорящего в семантике различных грамматических категорий, их дискурсивные и текстовые функции — и стали объектом внимания авторов монографии.

Разделы монографии предваряет вступительная статья А. В. Бондарко, посвященная элементам интенциональности в сфере грамматической семантики. В ней даны основные понятия, существенные для раскрытия этой темы, а также обсуждается вопрос о том, как интенциональность проявляется в функционировании русской видо-временной системы. Поскольку это понятие оказывается наиболее востребованным при описании глагольной системы, первый раздел книги посвящен анализу грамматической и лексической семантики глагола.

Раздел открывается главой А. В. Циммерлинга об автореферентности и классах предикативных слов. Речь идет о склонности отдельных конструкций с предикативами к употреблению с семантическим субъектом 1-го или 2-го лица. Большинство русских несогласуемых именных предикативов, субъект которых оформляется дат. п., ориентировано на семантическую сферу 1-го лица. В то же время имеются предикативы с дативным субъектом, ориентированные на 2-е и 3-е лицо: *так и надо, полно, пусто, неладно*, а также *полезно, вредно, свойственно, несвойственно*. Предикативы с семантическим субъектом в форме им. п. (*не в своей тарелке, не в духе, на веселе*) отражают ситуацию, в которой состояние X-а фиксируется другим лицом — Y-м (говорящим или субъектом нарратива).

Глава А. Мустайоки посвящена безличным конструкциям, которые указывают на воздействие стихии (типа *Крышу снесло ветром*). Автор описывает основные семантические признаки «стихийных конструкций» и условия, благодаря которым говорящий выбирает их, предпочитая активной конструкции или страдательным оборотам.

В главе М. А. Овсянниковой анализируется употребление русских возвратных глаголов мышления (*забыться, придуматься, вспомниться, выясниться, осознаться, узнать* и под.), при которых подлежащее соответствует ментальному объекту. В центре внимания находятся временные отношения, которые описываются в контекстах с данными возвратными глаголами чаще, чем в контекстах с соотносительными невозвратными глаголами. Выделяются три группы глаголов и связанные с ними типы временных отношений, ориентированные на футуральное, презентное или претеритальное употребление. Во всех случаях использование возвратного глагола позволяет говорящему вывести на первый план ситуацию, составляющую ментальный объект, и соотносить ее с планом повествования.

Глава М. Д. Воейковой посвящена выбору вида глагола в сослагательном наклонении. Взаимодействие категорий вида и наклонения является одной из активно разрабатываемых тем как в русле теории функциональной грамматики, так и в других направлениях грамматических исследований. Однако этот вид межкатегориального взаимодействия до сих пор интенсивно исследовался применительно к императиву, в то время как сослагательное наклонение оставалось за рамками теоретического описания. Семантические функции сослагательного наклонения — 1) контрфактивное значение, 2) советы или пожелания, а также 3) желательное значение — рассматриваются с точки зрения их взаимодействия с категорией лица глагола. Анализируются различные факторы, влияющие на выбор вида глагола говорящим в независимых предикациях.

А. Ю. Урманчиева описывает особенности употребления плюсквамперфектов с аористом и имперфектом вспомогательного глагола в Галицкой, Волынской и Суздальской летописях. Влияние фактора говорящего на семантику и употребление данных форм исследуется автором с точки зрения скорости исторического изменения разных фрагментов грамматической системы. Выделяются участки грамматической системы, где можно ожидать наибольшую скорость ее перестройки и наиболее значительную семантическую вариативность (в частности, прагматизацию). Последняя отчетливо демонстрируется путем сравнения анализируемых грамматических форм с более «устойчивыми». Отмеченные изменения позволяют интерпретировать говорящего не только как участника акта коммуникации,

но и как конкретный и отчасти обладающий историческим своеобразием источник воздействия на языковую систему.

Глава И. В. Недялкова посвящена эвенкийским глагольным формам, выражающим значения потенциальности. Эта работа представляет собой типологический фон для глав, написанных на материале русского языка, и иллюстрирует языковую специфику средств выражения модальной семантики. Автор характеризует основные прагматические и семантические особенности высказываний, передающих в эвенкийском языке модальные значения возможности и необходимости. Анализируемые значения могут быть выражены как личными, так и безличными глагольными формами. Такие высказывания рассматриваются в связи с определенными коммуникативными намерениями говорящего либо дополнительными прагматическими функциями произнесенного или написанного высказывания. Анализ эвенкийских конструкций проводится в сопоставлении с данными других тунгусо-маньчжурских языков.

Второй раздел монографии посвящен исследованию модусных элементов семантики высказывания. Он открывается главой Т. Е. Янко о коммуникативной структуре высказывания как отражении точки зрения говорящего. Предлагается подход к коммуникативной структуре как к средству выражения иллокутивной цели говорящего. Так, формируя рему, говорящий сообщает; формируя вопросительный компонент вопроса, — спрашивает; используя многообразные языковые средства выражения иллокутивных целей, — обращается с просьбой, советует, возражает, мечтает или сожалеет о несбыточном. Обсуждаются языковые стратегии формирования иллокутивной цели и коммуникативной структуры различных речевых актов. Средствами выражения анализируемых стратегий служат просодия, порядок слов и принципы выбора словоформ — носителей просодических пиков предложения.

В главе, написанной И. М. Кобозевой, рассматривается особая разновидность иллокутивной цели — переспрос. Переспрос трактуется как субкатегория вопросительности, структура которой задается в виде набора формальных и функциональных признаков с соответствующими значениями. Данные признаки выявляются методом концептуального анализа контекстов употребления глагола *переспросить*, не имеющего однословного переводного эквивалента в английском и ряде других языков. Особое внимание уделено контекстам

из параллельного англо-русского подкорпуса НКРЯ, в которых русские переводчики используют упомянутый лингвоспецифичный глагол при переводе английских глаголов с более широким значением — ‘спрашивать’ или ‘говорить’. На базе выявленных признаков уточняется толкование обыденного понятия *переспрос* и предлагается определение лингвистического термина *переспрос* в узком и широком смыслах. Представленный опыт типологии переспросов включает их прототипические и непрототипические разновидности.

В главе В. В. Казаковской и Н. К. Онипенко предлагается трехаспектный подход к анализу вводно-модальных слов, интерпретируемых в связи с понятиями эксплицитного модуса и субъектной перспективы текста на фоне других способов выражения точки зрения говорящего. Обсуждается проблема генезиса вводных слов, понимаемого как одно из направлений формирования эгоцентрических элементов русского языка. Выводы основываются на разнородном языковом материале — художественном нарративе (НКРЯ), спонтанном диалоге «взрослый — ребенок», письменной речи школьников и их анкетировании. Результаты свидетельствуют о раннем онтогенезе эпистемической семантики и системно-языковой прототипичности вводно-модальных слов как экспликаторов точки зрения говорящего. Так, первыми эпистемическими маркерами, зафиксированными в устной речи русскоязычных детей, оказались вводно-модальные синтаксемы с семантикой неуверенности, употребленные в первичной функции. Письменные нарративы школьников демонстрируют расширение функций вводно-модальных слов и элементы усложнения субъектной перспективы текста. Текстовый анализ художественного нарратива показывает их роль в структуре образа автора.

Раздел завершается главой М. Я. Дымарского о семантико-грамматических компонентах высказывания в их отношении к фигуре говорящего. В ней рассматриваются отношения между компонентами глубинной семантики бессоюзных сложных предложений со значением обусловленности. Среди этих компонентов имеются не только семантические, но и прагматические пресуппозиции, различным образом взаимодействующие друг с другом в зависимости от наличия / отсутствия средств актуализации синтаксического отношения между частями — в данном случае частиц. Уточнены понятия синтаксического отношения, прагматики говорящего и прагматики слушающего, семантических и прагматических пресуппозиций. Особое внимание

уделено бессоюзным конструкциям, лишенным средств актуализации синтаксического отношения.

В третьем разделе коллективной монографии обсуждаются элементы качественной семантики высказывания, отражающие состояние и качественную характеристику субъекта. В главах этого раздела значительное внимание уделяется не только грамматическим компонентам, но и проблеме лексического выбора.

Грамматические особенности слов категории состояния оказались в фокусе исследования И. П. Матхановой, посвященного формам их сравнительной степени. В нем обосновывается отнесенность компаратива к категориям с переменной актуализационной значимостью, выполняющим функцию добавочной ориентации и тем самым участвующим в выражении позиции говорящего. Компаратив слов категории состояния трактуется как двучленная категория: сопоставляются две статальные ситуации, в структуру которых включаются носители состояния и субъекты восприятия. При анализе функционирования компаратива слов категории состояния в высказываниях с семантикой психического и физического состояния лица, а также состояния природы и окружающей среды демонстрируется взаимодействие этой категории с другими актуализационными категориями, а также с эксплицитным / имплицитным выражением исходной ситуации.

В главе Е. Р. Добрушиной представлены результаты корпусного анализа кратких форм прилагательных цвета с точки зрения семантики, синтаксиса и стилистики. Полученные количественные данные, показывающие соотношение полных и кратких форм цветowych прилагательных, интерпретируются в связи с проблемой выбора между ними как по отношению к отдельным прилагательным, так и по отношению к различным значениям. Автор сопоставляет частотное соотношение кратких и полных форм цветowych прилагательных с подобным соотношением в других классах прилагательных, что позволяет описать стилистические условия их использования. Показано, что употребление кратких форм связано с приобретением дополнительных смысловых оттенков, не сводимых к обозначению цвета (например, при описании цвета как признака определенного внутреннего — обычно временного — состояния объекта). Особую роль данные формы играют в поэтических текстах, в которых они используются в прямом значении для создания живописного и эмоционально нагруженного зрительного образа.

Заключительная глава раздела, подготовленная Е. Ю. Протасовой, выходит за рамки грамматических исследований. В ней рассматриваются проблемы лексического выбора у художников. Автор анализирует специальный корпус устной речи, в котором собраны рассказы художников о своих и чужих произведениях. Отмечаются нетривиальные особенности профессиональной речи, такие как затруднения в поиске слов у многих рассказчиков, редкое (по сравнению с ожидаемым) использование цветowych терминов и семантические сдвиги в повествовании о композиции и динамике картины. Хотя неизбежные при таком подходе социологические наблюдения находятся за пределами «строгого» лингвистического анализа, они открывают широкую перспективу изучения того, чем обусловлен лексический и тематический выбор в профессиональной речи.

Мы надеемся, что книга будет интересна широкому кругу лингвистов. Как и предшествующие тома серии «Проблемы функциональной грамматики», она содержит ряд глав, посвященных грамматическому описанию русского языка в синхронии и диахронии, а также затрагивает типологические и онтогенетические аспекты обсуждаемой проблематики. Как и в ранее опубликованных томах, в ней отражается сотрудничество Отдела теории грамматики ИЛИ РАН с активно работающими российскими и зарубежными университетами — Московским государственным университетом, Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом, Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена, Новосибирским государственным педагогическим университетом, Университетом Хельсинки. В коллективном труде приняли участие ученые, представляющие ведущие академические институты страны — Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН и Институт языкознания РАН.

Редакционная коллегия выражает искреннюю благодарность всем коллегам и сотрудникам Отдела теории грамматики ИЛИ РАН, участвовавшим в подготовке коллективной монографии к печати, и внешним рецензентам — Т. И. Стексовой (Новосибирск) и И. Н. Смирнову (Ольденбург).

ВВЕДЕНИЕ

ЭЛЕМЕНТЫ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Говоря об интенциональности языковых (в частности, грамматических) значений, мы имеем в виду их связь с намерениями говорящего, с актуальным (осознаваемым) речевым смыслом, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности. При анализе интенциональности существенно разграничение и соотнесение а) плана содержания единиц и категорий в языковой системе, б) смысла, выражаемого в различных речевых ситуациях.

Закономерно, что вопрос об «осознании смысла» применительно к содержанию языковых единиц первоначально был поставлен по отношению к лексической семантике. С. Д. Кацнельсон писал: «Только употребление полнозначных слов связано с осознанием их смысла. Говорящие, как правило, отдают себе отчет в содержании таких слов и могут по желанию эксплицировать их содержание с помощью парафразы или толкования, синонимической замены или “наглядного определения” (указания на подразумеваемый словом предмет). Владение грамматическими формами характеризуется иной когнитивной модальностью. Хотя выражение мысли и ее понимание совершается при посредстве грамматических форм, в фокусе внимания участников речевого общения находится лишь вещественное содержание речи. Функции грамматических форм осознаются лишь вместе с полнозначными словами и при их посредстве. Толкование грамматических форм в отдельности представляет для говорящих значительные трудности. Оно становится возможным лишь тогда, когда грамматический строй становится объектом научного познания» [Кацнельсон 1972: 114–115]. В этих суждениях значительную ценность представляет сама постановка вопроса об осознании содержательных функций языковых единиц участниками речевого акта, о возможных проявлениях такой осознаваемости и о различиях в данном отношении между лексическими и грамматическими содержательными

функциями. На наш взгляд, проблема смысловой информативности (релевантности), связанная с возможным включением передаваемого содержания в фокус внимания участников коммуникации, актуальна и по отношению к грамматической семантике.

В проблематике интенциональности значительные трудности сопряжены с критериями и способами определения и верификации наличия или отсутствия признака связи с намерениями говорящего (пишущего), а также степени актуализации этого признака. При анализе грамматической семантики возможно использование вопросов-тестов типа «Для чего употребляется данная форма?», «Что хочет выразить говорящий при ее употреблении?». В какой-то мере могут быть использованы поправки, вносимые говорящим в процессе речи, реплики слушающего, свидетельствующие о выделении отдельных форм с их семантическими функциями. Ср., например, речевые поправки, связанные с заменой одной формы времени другою: *С особенной силой чувствую сейчас — или, скорее, чувствовал сейчас на гулянье эту великую радость — любви ко всем* (Л. Толстой. Дневники). Однако в целом интерпретация интенциональности связана со значительными затруднениями. Тем не менее трудности верификации при характеристике намерений говорящего не исключают возможности и необходимости анализа значений грамматических форм в их связях с проявлениями интенциональности.

В дальнейшем изложении рассматриваются элементы интенциональности в семантике глагольного вида и ряда других категорий в русском языке (из ранее опубликованных работ по проблеме интенциональности в сфере грамматики см. [Бондарко 1994; 1996: 59–74; 2002: 141–156]).

Согласно широко распространенной точке зрения, которой я придерживаюсь и в настоящее время, категориальное значение совершенного вида (СВ) основано на сочетании инвариантных признаков «целостность действия» и «ограниченность действия пределом». Учитывается также реализующийся в высказывании признак «возникновение новой ситуации». Следует обратить внимание на некоторые особенности каждого из этих семантических признаков с точки зрения проявлений интенциональности «взгляда на действие». Анализ семантики глагольного вида, включающий характеристику позиции говорящего, опирается на лингвистическую традицию и находит отражение в различных направлениях аспектологии (см., в частности:

[Comrie 1976; Маслов 1978; 1984; 2004; Тимберлейк 1985: 266–267, 284–285; Падучева 1986: 413–424; Smith 1997; Смит 1998; Lehmann 1998; Bogusławski 2003; Золотова 2006; Пупынин 2000; 2006; Шелякин 2001: 74, 77–88; 2008: 48–92; Бондарко 2006)]. Эта проблематика сохраняет свою актуальность.

«Взгляд на действие» как целое, без выделения его срединной фазы, безусловно, представлен в категориальном значении СВ и обнаруживается при лингвистическом анализе конкретных высказываний. Об этом идет речь в работах ряда лингвистов. Так, А. В. Исаченко писал о том, что признак целостности действия в значении СВ сопряжен со взглядом на действие «со стороны»: именно таким образом действие может быть представлено как целое, в отличие от обозначения действия в процессе его протекания, когда говорящий как бы находится внутри процесса [1960: 131–133]. Такое соотношение видовых значений действительно может актуализироваться в высказывании, особенно в ситуации наблюдаемости, например: *Варя. Вон посмотри — сено косят, парни с девками гуляют... вон один погнался за девушкой... догоняет, ай, ай! Схватил...* (А. Островский. Дикарка); — *Вон он выходит, — прервал ее сын* (Г. Успенский. Первые радости). Однако целостность действия далеко не может рассматриваться как цель употребления формы СВ. Мы не можем сказать, что говорящий употребляет формы СВ для того, чтобы выразить неделимую целостность действия. Примечательно, что понятие целостности плохо усваивается в практике изучения глагольного вида; во многих случаях не помогает и ссылка на то, что целостность ассоциируется со взглядом на действие «со стороны». Употребление видовых форм в конкретном акте речи может быть обусловлено связью с категориями, характеризующимися большей степенью интенциональности. Ср. замечание Ф. Лемана о том, что в случаях типа *Петров придет* мотивацией к употреблению СВ является не целостность действия, а скорее «будущее» и «однократность» [Lehmann 1986: 150–151].

В семантике СВ важную роль играет признак «ограниченность действия пределом» (при тендентивной предельности — «достижение результата»). Конкретные реализации этого признака в высказывании в ряде случаев отличаются четко выраженной связью с намерениями говорящего, с осознаваемостью, смысловой релевантностью. Ср. контраст направленности на достижение результата и его